

К месту подведения итогов по портключу они прибыли последними: Мариэтта, Жозе и Тина только что прибыли. Новоиспеченный снайпер выглядел более чем больным. Сержант-майор Муди был там, как и полдюжины обычных авроров, направивших свои палочки на Белль.

"Все в порядке, Жозе?"

Он кивнул и спросил: "Есть возможность выпить?"

"Сержант-майор?" спросил Гарри.

Муди потянулся в левый карман и достал небольшую серебряную фляжку, которую передал Крузу.

Хосе сделал долгий глоток из фляжки и передал ее обратно сержанту, кивнув в знак благодарности.

Гарри посмотрел на авроров, которые всё ещё держали свои палочки на Белле. "Господа, пожалуйста, опустите свои палочки, это невежливо".

"Командир, я не думаю, что вы знаете, кто это". ответил один из авроров.

"Аврор, я гораздо лучше вас знаю, кто эта леди, и если вы все не опустите свои жезлы, я опущу их за вас".

Авторитет его голоса, не говоря уже о его звании и положении, привёл к желаемому результату.

"Леди Блэк находится под моей личной охраной, она будет допрошена, но только в моем присутствии. У нее деликатное состояние здоровья, которое запрещает использование магии на ней или рядом с ней. Она будет находиться в гостевой комнате моей каюты, и ее постоянно будут сопровождать либо я, либо лейтенант Эджкомб, либо сержант-майор Муди, либо один из наших помощников. Мы собираемся, чтобы привести себя в порядок; через два часа мы снова соберемся здесь для подведения итогов. Сержант-майор, пожалуйста, пригласите представителя Департамента тайн для дачи показаний".

Муди и обычные авроры встали по стойке смирно, Муди ответил: "Есть, сэр".

Гарри в образе командера Эванса и лейтенанта проводил своего "пленника" в его каюту. Как только дверь закрылась, Мариэтта бросилась в объятия Гарри и разрыдалась. "Я так волновалась, я просто знала, что все пошло прахом!"

"Так и было, милая, так и было. Как всегда говорит комендант, ни один боевой план не

выживает после первого контакта с противником".

"Вообще-то, это сказал Гельмут фон Мольтке-старший". вмешалась Белль. Она посмотрела на обнимающихся влюбленных и сказала: "Пойду-ка я уберусь".

Гарри почувствовал неловкость, витающую в воздухе, и, крепко обняв свою Мари, раскрыл объятия, чтобы включить в них и Белль.

"Пожалуйста?" - попросил он.

Она упала в их объятия и почувствовала, как на неё обрушивается вся тяжесть её мучений, плена и неопределённости. Гарри ощутил всю глубину эмоций благодаря своей связи с Белль, а Мариэтта почувствовала рыдания, сотрясающие два тела, прижавшихся к ней, как к якорю. Они упали на колени, обнявшись, плача и целуя слезы из глаз друг друга.

"Мерлин, мы, должно быть, представляем собой зрелище!" воскликнула Мариэтта через некоторое время. "А если кто-нибудь зайдет к нам?"

"Никто не сможет, если я не поставлю заслон, а пока единственные уполномоченные люди в доме находятся здесь, в этой комнате".

"Можно мне принять ванну?" взмолилась Белль, - Я не принимала ванну уже три недели! Что вы оба обо мне думаете?"

Она была удивлена, увидев теплые, щедрые улыбки и Гарри, и Мариэтты.

"Гарри видит вас глазами любви, любви, которую он испытывает к матери своей дочери, а я вижу вас его глазами, потому что, - она заколебалась, глядя в глаза Гарри, - она никогда еще не любила никого так сильно и полностью, как его, и боялась, что он не сможет ответить на это чувство, но продолжала, - потому что я люблю его".

Гарри был потрясён. Никто никогда не говорил ему этого. Конечно, его мать, должно быть, говорила, но он был слишком мал, чтобы помнить, что когда-либо слышал это. Белль чувствовала его эмоции и слышала его разрозненные мысли, когда он обдумывал глубину своих чувств ко всем своим друзьям. Он любил всех своих друзей: Рона - брата по крови, Гермину - как сестру, но хотел, чтобы она была намного больше, Джинни - фарфоровую принцессу, которую он хотел укрыть и защитить, Молли - душающую властную мать или, как она однажды сказала, "как бы".

Затем он задумался о своих чувствах к Мариэтте, он не хотел думать о будущем, в котором не было бы его Мари, и когда он подумал о Белле, то почувствовал ещё более глубокое желание принадлежать ей, не только как инкубатору его ребёнка, но и за глубину её чувств и характера. Он был в замешательстве: разве он не должен быть только с одной женщиной, разве

общество не одобряет полиамурные отношения?

"Гарри, - сказала Белль, - не волнуйся насчёт "общества", большинство людей, которые правят обществом, будь то маглы или маги, состоят в тех или иных добрых или внебрачных отношениях".

"Я не знаю об этом", - честно ответил он.

"Пожалуйста, поверьте мне, когда я скажу, что это более официально в волшебном обществе и более практикуется в маггловском; а это чувство, то, которое вам так трудно принять?"

Он кивнул с надеждой.

"Я тоже тебя люблю", - сказала она и поцеловала его так крепко, как только умела, вложив в поцелуй все чувства, на которые была способна.

Гарри почувствовал любовь обеих этих женщин и понял, что испытывает к ним те же чувства, и это открытие было ошеломляющим.

"Мари, - радостно объявила Белль, - у меня отличные новости, - она указала на Гарри, - у него все получилось!"

Последовавший за этим "крик" эхом разнесся по всем комнатам дома командующего и вышел на парадное поле.

Сержант-майор Муди, оказавшийся в это время на улице, улыбнулся, узнав голос Эджкомба.

"Гарри, разве ты и твой лейтенант не должны были сейчас "подводить итоги"?"

Белль и Мариэтта бросили друг на друга многозначительные взгляды, которые говорили о многом: поднятая бровь, кивок, тоскливый взгляд в направлении спальни и ванной.

"Хорошо!" Гарри вскочил с явным энтузиазмом.

Белль опустила лоб на раскрытую ладонь и сказала: "Мари, мы не можем использовать наши женские хитрости в этом деле, он у меня в голове. Он знает, что мы говорим, когда мы ничего не говорим".

Гарри встал и помог обеим дамам подняться на ноги, затем провел их в хозяйскую ванную. Он опустился на колени, чтобы запустить несколько кранов, которые быстро наполнили небольшую ванну размером с бассейн. Когда он поднялся, то увидел Белль с распахнутым

халатом и замер. Она сияла! Восемь недель беременности наполнили ее грудь, ареолы уже потемнели и стали ярко выраженными. Она все еще была несколько истощена за несколько недель плена, но тюремщики, по крайней мере, не морили ее голодом - Придурок-Лард не позволил бы этого. Живот у нее был плоский, видимо, еще несколько недель она не собиралась "показываться", талия оставалась осиной. У нее были очень длинные, подтянутые ноги, заканчивающиеся маленькими ступнями. Гарри был очарован, как и Мариэтта.

Не снимая халата с плеча, она подошла к дальнему краю ванны, затем, повернувшись лицом к Гарри и Мари, спустила халат на пол и шагнула в быстро наполняющуюся ванну.

"Не хотите ли вы присоединиться ко мне?"

Гарри, по-прежнему одетый в черную форму и ботинки, неторопливо разделся, как и Мариэтта, и когда оба молодых человека оказались полностью обнаженными, настала очередь Белль разглядывать их. Они оба были великолепны. Подтянутые, подтянутые и совершенно не стесняющиеся друг друга. Конечно, с такими телами, как у них, им нечего было стесняться. Гарри имел телосложение чемпиона по плаванию, и его "блок и снасти" были очень пропорциональны его телу, а Мари даже не представляла, как ее свежая спортивная красота просто сочтется чувственностью? Ее грудь, опять же, была идеально пропорциональна ее телу и гордо возвышалась на ее молодом атлетическом каркасе. Лобковые волосы у обеих были сбриты или очарованы.

"Моргана, Мерлин и Маэв, я, наверное, не выживу, если буду с вами двумя, но это будет то, что нужно!"

Гарри скользнул в ванну, Мари последовала за ним. Они сели так, чтобы вода была им по плечи, и клещами скользнули к Белле.

"А, я вижу, что меня обошли".

"О да, Люб, сегодня мы планируем "обойти тебя с фланга"!"

Все засмеялись, а Гарри и Мари набросились на Белль, чтобы вновь заключить ее в объятия втроем, которыми они наслаждались раньше. На этот раз все будет еще лучше, это будут теплые, влажные, скользкие "голые объятия".

Левая рука Гарри и правая рука Мариэтты одновременно погладили спину Белль, и в то же время они отпрянули в шоке от того, что почувствовали. Они почувствовали, как на ее спине пересекаются шрамы, и ужаснулись, увидев следы ее пыток.

Белль напряглась и с большим достоинством вышла из ванны, оставив шокированных подростков за спиной: "Я тогда в душ".

Сказав это, она вошла в большую душевую кабинку с двумя форсунками, включила форсунки на полную мощность и начала рыдать над ужасной правдой своей жизни: она была нелюбима, ее отвергли первые и единственные люди в ее несчастной жизни, которых она осмелилась полюбить.

<http://erolate.com/book/4082/113343>